

Таганрог, Ростовской обл.

О двух неудачах театра им. А. П. Чехова

Спектакль «Человек с того света» — В. Дыховичного и М. Слободского, поставленный театром им. А. П. Чехова, произвел на нас удручающее впечатление. Особенно удивил искаженный показ советских людей в образе шофера Лиды Крыловой и коменданта поселка. Непонятно, зачем режиссеру С. Лаврову, а вслед за ним и актерам, понадобилось превращать в карикатуры положительных героев нашего времени. Лида Крылова, демобилизованный сержант, за отвагу и преданность Родине имеет правительственные награды, а театр рисует ее какой-то недотепой. Комендант поселка, выбивший из строя отважный моряк, словно на посмешище выставлен в спектакле.

Из театра выходишь с раздвоенным ощущением: с одной стороны хорошая игра артистов Глазырина, Антонюк, Игнатъевой, с другой — недоумение по поводу искривленного изображения советских людей, достойных более серьезного сценического воплощения.

К. ТКАЧЕВ.

Инвалид Отечественной войны.

Аналогичное письмо поступило в редакцию и от товарища Г. Е. К. Этим голосам стоит прислушаться. В полученных письмах не со всем можно согласиться, но одно бесспорно: театр имени А. П. Чехова изменил жизненной правде. Неумение наметить целеустремленную тематическую линию сильно сказалось еще на «Первом громе» — М. Алигер, постановщиком А. Котляровым в конце прошлого театрального сезона. Как отмечала в свое время центральная пресса, получилось «тусклое, бессильное, равнодушное и безидейное представление».

Зыбкость режиссерского замысла и беспринципность актерских трактовок некоторых литературных образов снова предстали перед нами в спектакле «Человек с того света». Главная ошибка постановщика С. Лаврова выразилась в самом выборе этой пьесы, требующей большой политической зоркости и художественного такта от исполнителей. Ни того, ни другого на сцене не оказалось. Режиссер покорно, некритически пошел за авторами пьесы, как их подмастерье, не вступив с ними в спор в создании правдивого сценического повествования, не сделав активной попытки вмешаться в драматургический материал и своими средствами ослабить или вовсе убрать из пьесы ее недостатки. Наоборот, отсутствие тематической установки, поверхностное скольжение по сюжету привело к тому, что Лида Крылова и комендант поселка, например, были окрашены лживой иронией, а чудачество старого, всеми уважаемого на заводе мастера Ивана Степановича Матвеева приобрело характер назойливого комикования. В результате получилось искажение действительности, затуманившее здоровый, бодрый мотив пьесы — призыв к неустанному движению вперед в борьбе за светлую, торжествующую жизнь...

Не оправдала ожиданий и вторая премьера — одна из лучших драм А. Н. Островского — «Бесприданница». Так уж повелось: каждое произведение А. П. Чехова, А. М. Горького, А. Н. Островского, поставленное театром им. А. П. Чехова, — новая вежа в его творческом развитии. Было много оснований ждать настоящей удачи.

Новая премьера отмечает две памятные даты: 125-летие со дня рождения А. Н. Островского и 70-летие непрерывной сценической жизни «Бесприданницы», впервые поставленной в 1878 году Московским Малым театром в бенефис артиста Музиля. В репертуаре нашего театра — это третья пьеса гениального драматурга.

Прочел ли по-своему А. Н. Островского театр им. А. П. Чехова, что нового открыл в нем, дал ли его пьесе свое истолкование, создал ли современный спектакль? Об этом мы думали, ожидая премьеры.

Интерес к спектаклю тем более повышался, что, как писал драма-

тург своему другу Бурдину, «Бесприданница» была признана в Москве не только друзьями, но и враждебно расположенными к нему лицами, как лучшее его произведение. «Бесприданница» открыла собой ряд психологических драм, созданных в дальнейшем писателем, и по общечеловечности облика героини стала достоянием мирового репертуара. В этой пьесе даны образы зарождающейся промышленной буржуазии, таковы, например, Сергей Сергеевич Паратов и Мокрый Парменчик Кнуров — представители «крупных дельцов последнего времени». Это — личики, искусно скрывающие волчью свою породу под маской благообразия.

Доорлобов верно указал на общественную функцию творчества драматурга. Читатель извлекал из его произведений, в том числе и из «Бесприданницы», «стремления, требующие лучшего устройства», т. е. воспитывался в духе непримиримости ко всему старому строю.

Именно эта социальная насыщенность искусства А. Н. Островского и должна была определить идейную направленность спектакля «Бесприданница», поставленного режиссером Н. Шаталюком. Правильно же найденная единая идейно-тематическая линия определила бы сквозное действие спектакля в целом и игры каждого актера в отдельности. Но такой стержень найден не был, и спектакль разочаровал зрителей; он не показывает всей глубины жизни, ее противоречий и историчности борьбы с отжившими силами «темного царства» чистогана.

Театр не преодолел «сопротивления материала» — не довел до конца внутреннего раскрытия героев, удачно начатого, скажем, артистами Г. Подоваловой и Н. Богатыревым. И потому самая мрачная у А. Н. Островского сцена — циничный розыгрыш по жребию Ларисы между Кнуровым (арт. А. Серняев) и Вожеватовым (арт. В. Шагов), — не потрясла зрителей, не заставила ежиться сердца и ежать кулаки. Не оставляют глубокого следа и те эпизоды спектакля, которые рисуют омерзительное погребение личности Ларисы негодяем от капитала — развратником Паратовым (арт. И. Локштанов) или насилие над ней в минуту отчаяния другим матерым волком от золотого мешка — Кнуровым, предлагающем выбитой из колеи девушке поехать с ним в Париж «на выставку» и «полное обеспечение на всю жизнь».

В пьесе крупные дельцы показаны столь отвратительными, что даже продажному Счастливцеву, играющему перед богачами за мелкую подачку шута под кличкой Робинзон, кажутся «невежами», с которыми тягостно иметь дело. А в спектакле растленный пошляк и мерзкий циник — барин Паратов в исполнении арт. И. Локштанова выглядит просто смазливеньким кра-

савчиком, таким лучезарным душкой...

Кнуров — А. Серняев — внешне ближе к замыслу автора, но слабое проникновение актера в сущность своего персонажа лишает его возможности жить на сцене полноценной, впечатляющей жизнью.

Безоговорочно веришь Вожеватому — веселому и молодцеватому купчику. Он развлекается, но дела не заывает и нет-нет да и покажет когти. Таким играет его арт. В. Шагов, легко убеждающий, что герои «еще молод», «а в лета войдет, такой же идол будет», как Кнуров, Паратов и другие толстошумы.

Не раскрыла всей неприглядности подленького существования Хариты Игнатьевны Огудаловой, матери Ларисы Дмитриевны, и арт. Т. Грезина. В ее игре нет рабской хитрости и отталкивающей покорности, нет расчетливой жестокости избесившейся торговки «живым товаром».

Только два образа глубоко тревожат. Это — Лариса и Карандышев. Артисты Н. Подовалова и Н. Богатырев пошли по единственно правильному, пути — по пути психологического разрешения задачи. В Ларисе — Н. Подоваловой живут противоречия, безудержность порыва. Это — мятушаяся душа, она — как большая белая птица, запертая в тесной, душной клетке купеческо-мещанского благополучия. Артистке удалось в финале спектакля подняться до социального обобщения. Ее героиня, подобно взлетевшему соколу, падает с высот чистой мечтательности и разбивается о золотые цепи бессердечия Паратовых и Кнуровых.

Столь же беспокойно и творчески темпераментно сделана арт. Н. Богатыревым роль униженного и пристыженного Карандышева. Жалок и ничтожен этот тщеславный, себялюбивый чиновник, стремящийся в баринны. Пусть не везде ровно, но зато с сознанием цельности натуры Карандышева показана Н. Богатыревым его обреченность, раздвоенность.

Не пойдя режиссер по проторенной дорожке внешней трактовки образа Робинзона, превосходный бытовой талант арт. В. Волкова принес бы ему удачу. Но нависший над ним ряд, эксцентричная внешность превратили его в буффонного клоуна, измелили по сути дела еще одну трагичную фигуру «темного царства».

* * *

Спектакль получился сырой, без общности идей и актерской игры. Трудно сказать, какой мыслью скреплены последние две премьеры театра. Это вселяет подлинную тревогу. Таганрожцы хорошо знают и высоко ценят то благородное и художественно-правдивое, что припело заслуженную популярность театру им. А. П. Чехова, чтобы не заметить его срывов. Если не заговорить об этом, у него может быть отнято будущее, как правильно и трезво было отмечено в дни Всероссийского смотра театральной молодежи в Москве.

Длительное отсутствие квалифицированного художественного руководства, ослабление идейно-воспитательной работы в коллективе, отсутствие в театре заведующего литературной частью, невнимание к производственной и творческой жизни коллектива — все это даст теперь себя чувствовать.

Доброе имя театра обязывает его пересмотреть свои творческие установки и идти в ногу с современностью.